

Ватлин А.Ю., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

ПОЛПРЕДСТВО АДОЛЬФА ИОФФЕ: КРИЗИСНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ МЕЖДУ МОСКВОЙ И БЕРЛИНОМ В ИЮЛЕ 1918 Г.

В статье вводятся в научный оборот материалы советского полпредства в Берлине, которое было открыто согласно Брестскому мирному договору и действовало с апреля по ноябрь 1918 г. Отсутствие надежной телеграфной связи породило значительный объем переписки между полпредом Иоффе, и Лениным с Чичериным, которые определяли советскую внешнюю политику. В хаотическом процессе становления политического режима большевиков отношения между ними выходили за рамки ведомственной субординации, и отрезанный от Москвы Иоффе неоднократно был вынужден брать на себя принятие стратегических решений. Ввиду внешнеполитической блокады Советской России он не только выполнял обязанности дипломатического посланника, но и давал в своих докладах общий анализ хозяйственного и военного положения Германии, поддерживал тесные контакты с местными левыми социалистами и курировал советскую зарубежную пропаганду. После убийства 6 июля 1918 г. в Москве германского посла графа Мирбаха Иоффе сумел предотвратить острый политический кризис в советско-германских отношениях, который грозил возобновлением военных действий между двумя странами.

Ключевые слова: Адольф Абрамович Иоффе, Владимир Ильич Ленин, германский посол Вильгельм Мирбах, Первая мировая война, советско-германские отношения, большевики.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-40-45

Введение. Публикация документов советского полпредства в Берлине закрыла важную лауну в источниковой базе раннего этапа советской дипломатии [2]. На лето 1918 г. пришлась завершающая фаза «большого взрыва», в котором формировалась вселенная большевистского режима. В нем сосуществовали разные варианты внутренней и внешнеполитической стратегии, за которыми стояли конкретные имена, выстраивавшиеся в изменчивые группы и иерархии. Увлеченные горячкой момента, жившие «здесь и сейчас», большевики меньше всего думали о будущих историках.

Объект и методы исследования. Официальные документы и их комментарии, публиковавшиеся в центральной прессе, дают лишь минимальное представление о той реальной «кухне», на которой готовились принимаемые решения. Зачастую они не получали должного оформления и оставались в форме рекомендаций и пожеланий, что в полной мере соответствовало неформальному характеру отношений среди лидеров РКП(б). Очевидно одно (и об этом свидетельствует опубликованный сборник) - ни одно из них не проходило мимо внимания Ленина, обсуждалось с ним, визировалось и попадало под личный контроль вождя.

Составители одной из первых публикаций писем большевистских вождей

справедливо отмечают уникальность этого источника, который оставался практически недоступным для историков вплоть до конца 80-х годов. «Советские лидеры не вели дневников, а поэтому преимущественно из писем можно почерпнуть сведения о тех неформальных аспектах «большой политики» (личные отношения большевистских руководителей, их пристрастия и логика действий, порядок предварительного согласования решений и т.п.), которые отсутствуют в официальных документах. При исследовании жестко централизованной советской политической системы эти проблемы приобретают особое значение. Без их учета невозможно понять реальный механизм принятия решений и функционирования партийно-государственного аппарата» [3. С.5].

В полной мере это относится и к сфере международных отношений. В одном из писем июля 1918 г. нарком иностранных дел В. Г. Чичерин писал о треугольнике, принимавшем в Москве внешнеполитические решения: «У нас создались треугольные отношения: я за дипломатизирование, осторожность и смягчение углов, Троцкий за яркие выступления, Ленин любит бить в барабан, но сознательно ведет политику осторожности и перекидывается то туда, то сюда» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л. 104]. Документальная

публикация показывает в действии второй треугольник, без учета которого невозможно понять стратегию большевиков на исходе Первой мировой войны: наряду с Лениным и Чичериным его третьей вершиной являлся Адольф Иоффе.

Результаты исследования. Несмотря на то, что до прихода большевиков к власти он не входил в ближайшее окружение вождя, его претензии роль стратега имели под собой достаточное основание - в апреле 1918 г. Иоффе возглавил первую полноценную дипломатическую миссию Советской России, которая во исполнение положений Брестского мирного договора отправилась в Берлин. Столица Германии являлась на тот момент (если не считать скандинавские страны, находившиеся на периферии континента) единственным «окном в Европу» для Советской России, которое большевики использовали как для получения оперативной информации о внешнем мире, так и для трансляции туда благоприятного для себя образа Русской революции.

Их попытка перетолковать на марксистский манер традиции и правила «буржуазной дипломатии» нашла свое выражение не только в новой терминологии - посольство стало «полномочным представительством», а посол - полпредом. Ставка делалась на изменение самой сути дипломатической работы, которое было вызвано не теоретическими размышлениями и мировоззренческими утопиями, а острым дефицитом наличных ресурсов - военных, экспертных, кадровых. Вопреки мечтам о слаженной работе «колесиков и винтиков» пролетарской диктатуры, попытка ее практического запуска обернулась хаосом во всех сферах государственной деятельности. И внешнеполитический фронт не являлся здесь исключением. Внутрипартийная борьба вокруг подписания Брестского мира показала, что так дальше продолжаться не может.

Экспромты большевистского руководства продолжались и после Бреста, но они приобрели иную направленность - рассылка на места комиссаров с чрезвычайными полномочиями стала подразумевать гораздо большую самостоятельность в принятии решений, тем более что отдельные части огромной страны в тот момент были лишены надежной связи и транспортных коммуникаций. Не будет преувеличением сказать, что

одним из таких комиссаров (точнее, зарубежных эмиссаров) стал и сам Иоффе. Напутствуя его, Ленин дал полпреду широкие права, и впоследствии (в письме от 24 мая 1918 г.) выражал готовность к их уточнению: «Каким образом перенести центр тяжести в Берлин (я согласен помочь этому), об этом вы должны подумать и предложить очень тактичные (NB) и конкретно-практические меры для сего» [5. С.80].

На *carte blanche*, данный ему вождем еще в Москве, неоднократно ссылался в официальной переписке и сам Иоффе. В итоге на него свалился огромный объем работы, требовавший огромного и квалифицированного аппарата экспертов и помощников, которого у него не было. Профессиональному революционеру с дипломом врача, до того незнакомому с дипломатическим протоколом, пришлось налаживать контакты практически со всем спектром государственных деятелей и общественных сил кайзеровской Германии, от военного руководства и крупнейших банкиров до левых социалистов, считавших себя идейными союзниками большевиков.

Острый на язык Карл Радек, до декабря 1918 г. также работавший на внешнеполитическом поприще, признавался в одном из писем полпреду: «После того как Вы перенесли Комиссариат иностранных дел в Берлин, /мне/ нечего много сообщать Вам» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 71. Д. 996. Л. 63]. Это запрограммировало личный конфликт с Чичериным, набравший свою остроту на всем протяжении миссии Иоффе. Нарком иностранных дел, не отличавшийся большими организационными способностями, пытался выстроить бюрократическую вертикаль в своем ведомстве, в которую никак не вписывался строптивый берлинский полпред. Но даже на пике личного конфликта Чичерин признавал приоритет Иоффе в германской политике: «Наша линия по отношению к Германии Вам достаточно известна, так как Вы же ее формулировали» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л. 83].

Переписка Берлина и Москвы показывает, насколько спрессовано было время в момент «большого взрыва». Первоначально политическая коммуникация велась по старинке - через дикпурьеров, для отправки оперативной информации советскому полпреду приходилось использовать германскую военную

радиостанцию в Науэне, но даже радиogramмы достигали Москвы лишь через несколько дней, а шифровки, состоявшие из рядов цифр, лишь в редких случаях удавалось адекватно интерпретировать. Говорить в таких условиях о соблюдении пусть даже минимальной секретности в работе полпредства не приходилось.

Уже на десятый день своего пребывания в Берлине Иоффе указал Чичерину на то, что отправка нот напрямую в МИД Германии недопустима. «Прошу Вас, не сноситесь Вы с здешним правительством по радио: это путает карты; если что нужно, сноситесь через меня... Вы напрасно дали Мирбаху Юз, раз у меня нет. Я запросил их, но ответа еще не получил. Сегодня ни по Юзу, ни по Морзу с Вами сговориться не удалось» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 29-29об.].

В тот же день 2 мая, еще не получив этой записки, отправленной с диктатором, Чичерин поинтересовался, получает ли Иоффе копии радиogramм, адресованных германскому правительству с просьбой передать полпредству. В соответствии с дипломатическим этикетом нарком исходил из принципа взаимности: «Разумеется, в наших интересах, чтобы сношения с Вами были беспрепятственны, и поэтому мы стоим за самые либеральные отношения к требованиям Германской миссии здесь, лишь бы Вы пользовались полной взаимностью» Это важно для того, чтобы мы могли выстроить аналогичную систему в отношении германской миссии, подчеркнул нарком [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л.].

Ситуация радикально изменилась с появлением в здании советского полпредства на бульваре Унтер-ден-Линден собственного аппарата Юза. Авторы публикации фиксируют не только дату, но и время отправки и получения того или иного сообщения (тогда их называли «записками по Юзу»), обращая внимание читателей на то, что за одну ночь нарком и полпред могли обменяться десятками телеграмм, а сонные телеграфисты коверкали слова, наклеивали телеграфные ленты как попало, что превращало восстановление исходного текста в увлекательное занятие, сопоставимое со складыванием сложного пазла [2. С.25-27].

Первый сеанс связи, состоявшийся 13 июня 1918 г., касался судьбы Черноморского флота. Иоффе взял жесткий тон по

отношению к Ленину, транслируя тому позицию германского Главнокомандования: «Я серьезно говорю, Владимир Ильич, что всякое оплошное, даже и мелкое провоцирование с нашей стороны будет немедленно использовано с военной точки зрения. Необходимо ни в коем случае не допускать до этого. Ультиматум /немцев - А.В./ до 15-го, несомненно, будет соблюден в точности... Дело можно будет уладить, но никакие военные действия с нашей стороны недопустимы и обязательно возвращение наших войск на прежние позиции» [6. С.556].

В ультиматуме германской стороны речь шла о немедленном возвращении судов Черноморского флота в Севастополь, оккупированный немцами. Трудно себе представить подобные «указания» в беседе дипломатического представителя с главой государства, однако в условиях, когда жизнь Советской России висела на волоске, было не до соблюдения бюрократической иерархии. Так или иначе, путем сложных компромиссов и затопления части флота в Цемесской бухте Новороссийска кризис был урегулирован.

Не стеснялся в выражениях и Ленин, благо что Иоффе, не имевший опыта работы в государственном аппарате, постоянно давал для этого различные поводы. Так, 22 июля он в обход Чичерина направил вождю развернутой меморандум с предложением затеять «большую игру» с Лондоном, передавая туда конфиденциальную информацию о положении дел в правящих кругах Берлина: «Нужно разъяснить англичанам, что я почти 3 месяца здесь, вращаюсь в самых разнообразных кругах Германии, информируюсь с различных сторон, имею самые тайные сведения и вообще лучше кого бы то ни было осведомлен в германских делах... Если англичане за все время войны так интересовались сообщениями о Германии любого корреспондента, то насколько же важнее должны быть для них сообщения мои, который занимает здесь определенное положение и может узнавать то, чего ни один корреспондент не узнает» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 49.].

В ответ на эту инициативу, столь неуместную в условиях расширявшейся антантовской интервенции на Севере России, Ленин разразился следующей тирадой: «Все, что Вы пишете в последних письмах,

несуразно до сверхъестественности. Проводить “прежнюю” политику неразрыва с Антантой после Онеги – смешно. Нельзя же даму с ребеночком сделать опять невинной» [5. С.134]. На фоне такого накала страстей Чичерин выступал в роли интеллигентного медиатора, который неоднократно пытался примирить спорившие стороны.

2 августа он увещевал полпреда: «Вы не сознаете степень нашей военной слабости (о чем нельзя было Вас информировать) и катастрофичность нашего военного положения. Немцы знают нашу слабость... Вы Англии не знаете, как знаете Германию... Людендорфы дети перед Нортклифами. Англия идет на нас. А наше военное положение ужасно. Деятели же революции не должны покидать ее» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 993. Л. 7–8]. Об остроте дискуссий в дипломатической переписке Москвы и Берлина свидетельствуют публикуемые в сборнике документы - за полгода пребывания на посту Иоффе не менее десяти раз выдвигал требование об отставке и немедленном возвращении в Россию, используя этот аргумент прежде всего в спорах с Лениным.

Хладнокровие и выдержка полпреда сыграли важную роль в разрешении кризиса, вызванного убийством германского посла в Москве графа В. Мирбаха 6 июля 1918 г. К этому моменту советско-германские отношения перешли в стабильную фазу, Иоффе установил прочные контакты с рядом ведущих политиков и дипломатов, его ближайший помощник Л.Б. Красин встречался даже с самим генерал-квартирмейстером Э. Людендорфом. Главной проблемой для советского полпредства к началу июля была эпидемия «испанки» - свой доклад, датированный 1 июля, Иоффе отправил в Москву в виде рукописи, поскольку «у меня весь персонал лежит, я сам еле держусь на ногах» [2. С. 224].

Несмотря на это, сразу же после сообщения об удавшемся покушении левых эсеров на Мирбаха (с ним пришел в полпредство Р. Надольны - чиновник МИД, занимавшийся российскими делами) Иоффе облачился во фрак и отправился во внешнеполитическое ведомство, где был принят заместителем статс-секретаря В. Буше. Прямой провод с Москвой не функционировал, и полпред в кратком письме изложил свою оценку

произошедшего: убийство сыграет на руку сторонникам немедленной интервенции в Россию под предлогом того, что там наступила полная анархия. После переговоров с немецкими властями он пришел к выводу, что «здешние активисты» находятся в меньшинстве, и у Германии попросту нет сил для возобновления боевых действий. «Вы по этому, по моему мнению, не должны показывать слишком большой перепуганности по поводу этого убийства». Берлинская пресса, получившая необходимые инструкции, во всем «обвиняет Антанту, считает, что это прискорбное событие становится между Россией и Англией, а не Россией и Германией» [1. Ф. 82. Оп. 1. П. 10. Д. 44. Л. 12].

Однако улаживанию кризиса стали мешать самовольные действия секретаря германского посольства К. Рицлера, который был свидетелем покушения и на время принял на себя обязанности посла. Он потребовал немедленной сатисфакции и обеспечения безопасности немецких дипломатов, настаивая на отправке в Москву из Германии пехотного батальона со всей амуницией. Принятие таких условий означало бы не просто нарушение государственного суверенитета России, но и превращение советского правительства в заложника кайзеровской военщины. Ленин отдавал себе отчет в том, что в этом случае конспирологическая версия о большевиках как «немецких шпионах» получит серьезную подпитку, и требовал от наркомата иностранных дел скорейшего разрешения очередного острого кризиса в советско-германских отношениях

Чичерин ежедневно сообщал Иоффе о том, что московскими властями приняты достаточные меры для обеспечения безопасности персонала и здания посольства. Битва шла буквально за каждый дом в Денежном переулке, который предстояло выселить для образования вокруг дипломатического представительства санитарной зоны: «Сейчас же после убийства Мирбаха на основании отзывов военных атташе Рицлер потребовал передачи под приют для германских военнопленных /они должны были охранять посольство - А.В./ соседнего доминирующего над миссией дома. Мы согласились, теперь идет выселение жильцов. Вдруг Муралов поднял скандал - это де опасный стратегический пункт. Против

Муралова двинули Ильича. Троцкий не поддержал Муралова, дом отдается под военнопленных» [1. Ф. 82. Оп. 1. П. 5. Д. 28. Л. 81]. Уступки советской стороны только раззадорили Рицлера, и он заговорил с Чичериным языком ультиматумов.

В Берлине видели ситуацию иначе, отдавая себе отчет в том, что падение большевиков приведет к власти силы, ориентирующиеся на Антанту, и Германия окажется перед необходимостью восстановления Восточного фронта. Прагматические соображения требовали хотя бы условной демонстрации поддержки «режима максималистов», и 12 июля Иоффе был приглашен на долго откладывавшуюся встречу в рейхсканцлером Г. Гертлингом: «был очень любезно принят и мне было заявлено, что моя политика здесь всецело разделяется».

Однако Рицлер продолжал собственную игру, ежечасно повышая ставки и вопреки очевидным фактам информируя Берлин о том, что правительство большевиков «ввиду признания собственной слабости впало в апатию» [7. RZ 201/2005/73]. Чичерин всерьез принимал его угрозы, регулярно запрашивая Иоффе о том, готовы ли немцы двинуть войска и пойти на открытую интервенцию. В ответ тот потребовал от своего патрона «не впадать в панику», эмоционально заявив: «я ручаюсь Вам своей политической честью, что правильно оцениваю положение, и оно именно таково, как я писал в докладах. Никто нас сознательно не обманывает и готовит западни, борются различные тенденции, но большинство за мир с нами и за начатие мирных торговых сношений» [2. С. 255-256].

Именно твердость Иоффе побудила Ленина отвергнуть германское требование о вводе батальона на заседании ВЦИК, состоявшемся вечером 15 июля 1918 г. Всю ночь Чичерин бомбардировал полпреда просьбами получить хотя бы минимальные гарантии того, что интервенция не состоится, подчеркивая, что без этого речь вождя публиковаться не будет, так как может быть понята немцами как *casus belli*. «Дайте какие-нибудь указания», просил Чичерин в два часа ночи, а часом позже добавлял: «от публикации вчерашнего заявления /Ленина - А.В./ газеты удерживать поздно, но я только что телефонировал Свердлову, чтобы не приступали к разбрасыванию и

расклеиванию прокламаций. Я должен сказать, что Ленин и Троцкий в случае /любого/ инцидента обыкновенно сейчас же убеждены, что это сознательный маневр военной партии для наступления» на Советскую Россию [1. Ф. 82. Оп. 1. П. 5. Д. 28. Л. 138].

16 июля после серии переговоров в берлинском МИД Иоффе подтвердил данные от своего имени гарантии: «Официально заявлено, что Германия войны с Россией ни в коем случае не желает, что просят правительство ни в коем случае этого требования так не рассматривать, что мое предложение принимается и что немедленно постараются добиться у военных отказа от требования относительно батальона... Нервничаньем миссии в Москве здесь очень недовольны» [2. С.258]. Отлегло от сердца и у Чичерина, который в тот же день вечером написал Иоффе письмо, которое можно интерпретировать как завуалированную попытку оправдать собственное «нервничанье»: «Кругом вихрь, рвут на части, безлюдье, не из кого слепить аппарат, а тут навыки Ленина и Троцкого, и я не имею авторитетности, нужной для их удержания от шагов вроде вчерашней декларации. Рицлер шантажирует. Это штуки его, а наши не имеют нужной выдержки... А вихрь бешено несется» [1. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л. 100].

Заключение. Незнакомый с деталями дипломатического протокола, советский полпред в Берлине Адольф Иоффе освещал в своих докладах, адресованных Ленину и Чичерину, не только ключевые аспекты двусторонних отношений и различные военно-политические сюжеты, но и внутреннее положение Германии, потерявшее всякую стабильность на исходе мировой войны. Его усилия по сдерживанию немецкой оккупации в Центральной России, налаживанию экономических контактов двух стран, поддержке левых социалистов в самой Германии наглядно демонстрируют тесное переплетение судеб двух стран, которое будет принимать различные формы на протяжении всего прошедшего века – века войн и революций. В своей совокупности донесения Иоффе из Берлина весной-осенью 1918 г. занимают не меньшее место в истории советско-германских отношений, чем дипломатическая переписка накануне подписания пакта Молотова-Риббентропа или обмен нотами, сопровождавший подготовку и

ратификацию «восточных договоров» 1970 г.

Список литературы

1. Архив внешней политики МИД Российской Федерации.
2. Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы. Авторы-составители: А.Ю.Ватлин, Л.В.Ланник, Т.Пентер. - М., 2023.
3. Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. Сборник документов. - М., 1996.
4. Документы внешней политики СССР. Т.1. - М., 1957.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. - М., 1982.
6. Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапальского договора: В 2 т. Т. 1: От Октябрьской революции до конца 1918 г. - М., 1968.
7. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin.

**ADOLF IOFFE'S EMBASSY: CRISIS MANAGEMENT BETWEEN
MOSCOW AND BERLIN IN JULY 1918.**

The article puts into scientific use the materials of the Soviet Embassy in Berlin which was opened according to Brest peaceful treaty and operated since April till November 1918. Lack of reliable telegraph connection led to substantial volume of correspondence between A. Ioffe and V. Lenin together with G. Chicherin who determined the Soviet foreign policy. In the chaotic process of formation the Bolshevik political regime the relationship between them went far outside the framework of departmental subordination, and Ioffe cut off from Moscow had to repeatedly assume strategic decisions. Owing to diplomatic blockade of the Soviet Russia his activity fell outside the scope of his duties as an envoy, in his reports he gave the general analysis of German internal economic and military situation, supported close contacts with local left socialists and supervised Soviet foreign propaganda. After count Mirbach, German ambassador, was killed in Moscow 6 July 1918, it was Ioffe who was able to prevent violent political unrest in Soviet-German relationship which threatened to resume military operations between two countries.

Keywords: Adolf Ioffe, Vladimir Lenin, German ambassador Wilhelm Mirbach, First World War, Soviet-German relation, Russian Civil War, Bolsheviks.

References

1. Arhiv vneshnej politiki MID Rossijskoj Federacii.
2. Berlinskaya missiya polpreda Ioffe 1918 g. Dokumenty. Avtory-sostaviteli: A.YU.Vatlin, L.V.Lannik, T.Penter. - М., 2023.
3. Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912-1927. Sbornik dokumentov. - М., 1996.
4. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T.1. - М., 1957.
5. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 50. - М., 1982.
6. Sovetsko-germanskie otnosheniya ot Oktyabr'skoj revolyucii do zaklyucheniya Rapall'skogo dogovora: V 2 t. T. 1: Ot Oktyabr'skoj revolyucii do konca 1918 g. - М., 1968.
7. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin.

Об авторе

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Vatlin Alexander Yurevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Russia), E-mail: vatlin_alex@mail.ru